Проблемы понимания и восприятия протокола судебного заседания в теории и практике

Красоткин Максим Сергеевич
Магистрант ПФ ФГБОУВО «РГУП»
E-mail: fps3289@yandex.ru

На сегодняшний день существует две основные парадигмы, связанные с пониманием того, что представляет собой и как должен формироваться протокол судебного заседания. Согласно положениям первой парадигмы, протокол понимается как своеобразный стенографический слепок реализуемого судебного разбирательства, который необходим для полного и объективного отражения результатов и этапов процесса. Данной парадигмы придерживаются формулировки действующего уголовно-процессуального закона, которые содержат требования к анализируемому документу.

Вторая парадигма заключается в том, что протокол представляет собой концепт, содержащий основополагающие аспекты судебного процесса в определенной форме. Протокол в данном варианте предназначен для того, чтобы вышестоящая инстанция верно понимала, как выглядит (выглядел) процесс в рамках первой инстанции. Анализируемая парадигма соответствует реальному состоянию уголовно-процессуальной нормы и в случае более глубокого рассмотрения, можно определить истинный замысел и идеи законодателя [1].

С одной стороны, положения уголовно — процессуального законодательства склоняются к первой парадигме. Судья не имеет права самостоятельно вести протокол судебного заседания, а также удостоверить его исключительно собственной подписью. В практической деятельности данный поступок стал бы безусловно основанием для отмены приговора. С целью придания рассматриваемому документу иллюзии объективности создана отдельная процессуальная фигура, которой является секретарь судебного заседания. Именно на секретаря возложена обязанность, связанная с ведением протокола судебного заседания, в котором в полной мере должны излагаться действия и соответствующие решения суда, а равно действия всех участников разбирательства, которые имели место в процессе судебного заседания. Протокол должен подписываться как председательствующим, так и секретарем.

Процессуальное положение секретаря судебного заседания является не вполне ясным. В число участников отечественного уголовного судопроизводства секретарь судебного заседания не включен. Кроме того, не раскрывается содержание понятия и собственно понятие данного лица. Упоминание о рассматриваемом субъекте содержится только в главе 35 УПК РФ, где регламентируется общие условия, установленные в отношении судебного разбирательства, а также в перечне лиц, в отношении которых можно заявить отвод. Последнее указанное обстоятельство можно воспринять как косвенное признание за фигурой секретаря судебного заседания самостоятельности и наличие у него процессуальной функции. Совместно с этим существует ведомственный механизм, связанный с обеспечением некоторой независимости секретаря от судьи, который председательствует в процессе [2].

Если законодателем действительно ставилась задача номинально отделить функцию, связанную с ведением протокола от функции рассмотрения и разрешения рассматриваемого дела, то он ограничил бы возможный круг лиц, которые подписывают протокол только секретарем. Тем не менее, законодатель этого не сделал. Напротив, он использовал в законодательстве по отношению к протоколу совершенно разные термины:

1) «ведение»;

2) «изготовление».

При этом, следует отметить, что ведение протокола в полной мере возложено на секретаря, а процесс изготовления, если основываться на буквальном прочтения правовой нормы, возложено и на секретаря, и на председательствующего.

Законодателем не предусмотрены механизмы, связанные с разрешением противоречий между судьей и секретарем судебного заседания, если они индивидуально восприняли действия или высказывания лиц, участвующих в процессе. Таким образом, законодатель «имплицитно» закрепил в данных ситуациях последнее слово за более сильной в процессуальном отношении стороной, которую представляет судья.

Секретарь судебного заседания является зависимой процессуальной фигурой, при этом имеет место «эманация» процессуальной функции председательствующего, которая технически отделена от него. В данном смысле судья, является единоличным «обладателем» протокола. А контролирующий протокол, в итоге контролирует происходящий процесс.

Интересно отметить, что в апокрифической парадигме восприятия сущности и предназначения судебного протокола, сформулированные профессором А.Р. Белкиным проблемы, а также способы их преодоления теряют всякий смысл.

Если допустить, что секретарь не является самостоятельной процессуальной фигурой и его роль в судопроизводстве в основном техническая, то есть ли смысл в надобность секретарю и судье проводить одинаковую (двойную) работу? В том случае, если судья предполагает, что дело рассмотрят в одном заседании или данное заседание будет последним, то с позиции эргономики наиболее лучшим вариантом поведения судьи было бы предоставление секретарю в процессе возможности «отписывать» протоколы, а после оглашения финального акта передать электронную версию протокола для механического перевода его содержимого в текст протокола [3].

Еще одна сложная проблема состоит в обеспечении достоверности судебного протокола. В рамках апокрифической парадигмы такой проблемы не существует, так как есть лишь одна достоверность — достоверность, основанная на внутреннем убеждении судьи. Когнитивная карта его формирования должна отражаться в протоколе. Интересно отметить, что если взглянуть на данную проблему с канонической позиции, то идея А.Р. Белкина — удостоверять верность и правильность содержания протокола соответствующими подписями участников судебного заседания способствовать достоверности не сможет. Фактически предлагается распространить на всю судебную стадию аналогичный механизм, который существует на досудебной стадии, в процессе составления протокола лицом, осуществляющим расследование (предварительное расследование). Природа судебного протокола следственного действия и протокола судебного заседания по своему содержанию совершенно разная. Составляемый на досудебной стадии протокол — это, как правило, своеобразный результат достигнутого процессуального "консенсуса" [4].

Сторонниками первой обозначенной парадигмы последовательно доказывается идея, связанная с тем, что проблема достоверности протокола судебного заседания может найти свое решение путем внедрения видео- и аудиофиксации заседаний суда. Стоит сказать о том, что судьи указывают на довольно серьезные технические, а также организационные проблемы, которые имеют место в случае внедрения указанных нововведений.

В том случае, если разрешить сторонам рассматривать замечания на протокол в формате судебного заседания, с подробным изучением видеозаписи, то, во-первых, это займет существеннее количество времени, по сравнению с разрешением уголовного дела и стороны никогда не достигнут

консенсуса в рамках интерпретации ее содержимого. В данном смысле внедрение видеозаписи может разрушить судебный процесс, как своеобразный судейский «концепт». В данном случае сработает эффект внутреннего противодействия системы. Подобная форма будет скорее всего отторгнута системой, как была отторгнута аудиозапись, ввиду ее технологического несовершенства. Как вариант, ее роль будет на процессуальном уровне «редуцирована», например, в результате ограничения доступа к видеозаписи составом суда в вышестоящей инстанции.

Противостояние проанализированных парадигм, в рамках одной из которых протокол является стенограмма, а в другой судейский концептом, обещает быть очень длительным и дискуссионным, и может привести к совершенно неожиданным и даже непредсказуемым вариантам развития исследуемого явления.

Ссылки

1. См.: Латышева Н.А. Протокол судебного заседания: историко-правовой анализ содержания и предназначения // Администратор суда. 2016. N 4. С. 44 — 48
2. См.: Россинский С.Б. Протоколы следственных действий и судебного заседания по уголовному делу: постановка проблемы // Lex russica. 2014. N 2. С. 176 — 184.
3. См.: Плотников И.В., Хырхырьян М.А. Объективизация протокола судебного заседания и аудиозапись стороны ей в помощь // Адвокатская практика. 2013. N 2. С. 30 — 32.
4. См.: Захаров В.В. Как сократить процессуальную нагрузку, не снижая качества правосудия // Российская юстиция. 2017. N 10. С. 39 — 42.